

Дедушкин дуб.

Когда на каникулах я побывала на своей исторической родине в Армянском у родственников в городе Степанскерте, то встретилась со своей тётей Миланой и её семьёй. Тётя рассказывала о том, как они сейчас живут. У моей двоюродной сестры родилось трое малышей, их звонкий смех разносился по всему саду. Там уютно: в тени деревьев - лавочки, гамак, дорожки вымощены тёплыми камнями, много цветов, кустарников.

Мы подошли к столетнему родному старому дереву, оно не было похоже на другие молодые стройные деревья сада. Это был дуб. Его ствол, мощный, ветвистый, немного повреждён. Одна ветка была сломана, видно, дерево болело и засохло, а от другой отрасли новые веточки - побег. Оно как - будто устало: искривлённый кверху ствол, низко согнутая ветка, морщинки - трещинки избороздили толстый ствол. А внизу, на земле, в траве, под старыми пожелтевшими листьями - множество жёлудей. Я потрогала дерево: его шершавый ствол был тёплым, запрокинув голову вверх, увидела всё ещё сильную зелёную крому его стурных листьев, дарящих прохладу.

- Это дедушкин дуб, - услышала я голос тёти. - Он самый, рука у него была лёгкая, что ни посадит, всё приживётся и зацветёт. Ведь прадедушка твой, Милан, лесником был, любил природу, не хотел посвящать себя служению охраны окружающей среды. Самым деревьям, колючкам, ухаживал за саженцами, как за маленькими детьми. Пошлишь тот лесок у реки, где вы так любите кураться? Это его дачище, когда-то здесь был заросевник...

- А потом что было? - спросила я.

- Потом война началась. В 1941 году твоего прадеда призвали в армию. Лихой он был болю, отважный, прекрасный стрелок и командир роты. Да у нас и прапрадяди его где-то были.

Вот и желанная Победа! И чудно так, что весной это случилось, и вся истерзанная, искалеченная земля так неудержимо захотела вновь жить и цвести! А у прадедушки при виде первой весенней земли и цветущих деревьев аж душа затосовалась. Где-то мой лес? Как он без меня столько лет?

Для твоего прадеда Михаила война закончилась в 1946 году. Когда вернулся в родной город, увидел, что в его заповедном лесу часть деревьев верубили - надо было для нужд фронта. Да и от сада, что рядом с их дачкой, мало что осталось - одичал, осиротел без хозяйских рук. Вот и стал он снова лесничий работать. Лесок снова отшил, дружно зазеленели молодые сосенки. А возле дома развел сад: вишни посадил, яблонки и молоденький дубочек посадил. И всё бы хорошо, да стал дедушка хворать: ранения да военные лишения здорово подорвали. В 1958 году его не стало, умер от бронежита. Прадедушка твой прожил всего 53 года, но оставил после себя графическую память и деревья. И вишн и зеленел каждую весну его сад, приносили плоды и радовали людей.

Мы выросли, у нас уже свои семьи, дети и внуки. Как говорится, много с тех пор воды утекло...

- А сад, что с ним? - спрашиваю я, заворотённая рассказом.

- Всё старится. После землетрясения в Спитяке мы с детьми уехали из Армении. А потом душа затосковала, через несколько лет вернулись на родину. Вместо полуразрушенного дачника построили новый, кирпичный. Сад не сохранился, всё заросло бурьяном. Но что не сделают человеческие руки?! Мы очистили землю вокруг дачи и заложили новый сад. Вот почему мы и гуляем вместе с тобой. Есть в саду старомодный дуб, посаженный прадедушкой, твоим прадедом Михаилом.

И мне так захотелось вновь побегать в сад, размять ноги.

старый, наполовину высохший дуб и прижмётся щекой к
его шершавому тёмному стволу.

Стоит, держится, не поддаётся старости мам дуб, как будто
говорит: „Вот смотрите, я хоть и старый, а листочки мои
зелёные, светлые и всё так учатесь!“

